

Таковъ именно и былъ основной принципъ ложно-классической эстетики: искусство должно украсить и возвысить природу и потому оно не должно походить на дѣйствительность. Возвышеніе и украшеніе природы въ искусствѣ полагалось въ устраненіи изъ художественнаго изображенія всякаго безпорядка, т.-е. того разнообразія, той многоцвѣтности, которыя неразлучны съ творчествомъ природы. Въ противоположность природѣ искусство должно создавать лишь строго-симметрическіе, разъ навсегда установленные, правильно законченные образы и формы. Этотъ принципъ лежалъ въ основѣ ложно-классическаго направленія и въ области сценическаго искусства. Разъ вступивъ на такой путь, легко было дойти до такихъ крайностей условной рутины, которыя представляли собой нелѣпѣйшее искаженіе всякаго образа и подобія человѣческаго въ сценическомъ изображеніи людскихъ страстей. Искусство актера полагалось съ этой точки зрѣнія именно въ томъ, чтобы двигаться и говорить на сценѣ такъ, какъ этого не дѣлаетъ въ дѣйствительной жизни ни одно человѣческое существо.

Съ самаго начала своей сценической карьеры Щепкинъ вступилъ въ борьбу съ этимъ направленіемъ во имя *естественности*, во имя приближенія искусства къ природѣ.

Возможны двоякаго рода реформаторы. Одни дѣйствуютъ вразрѣзъ съ рутиной потому, что никогда не имѣли съ ней ничего общаго по условіямъ личной своей жизни, и просто не могутъ поставить себя въ положеніе сторонниковъ отживающей старины. Для другихъ разрывъ съ рутиной во имя новыхъ началъ совершается прежде всего въ ихъ собственной душѣ, составляетъ ихъ личную интимную драму, является результатомъ ихъ внутренняго перерожденія. Реформаторы второго типа, эти Павлы, возникшіе изъ Савловъ, всегда оказываются наиболѣе страстными и могущественными борцами противъ рутины, наиболѣе стойкими и энергичными проводниками обновленія; оно и понятно: вѣдь для нихъ побѣда надъ стариной обусловлена побѣдой надъ самими собой и, слѣдовательно, одухотворена всей страстностью личнаго переживанія; такіе реформаторы всегда менѣе прямолинейны; помимо ихъ сознанія и вопреки ихъ желанію, въ ихъ дѣятельности всегда сохраняютъ свою живучесть нѣкоторые остатки того, противъ чего